

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

Е В Г Е Н И Й
В О Л К О В

**ПРИГОВОР
БЕЗ ОБЖАЛОВАНИЯ**

Русский детектив

ЕВГЕНИЙ ВОЛКОВ

Приговор без обжалования

«Центрполиграф»

2021

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Волков Е. П.

Приговор без обжалования / Е. П. Волков — «Центрполиграф»,
2021 — (Русский детектив)

ISBN 978-5-227-09746-0

Под обломками рухнувшего балкона старого здания гибнет молодой успешный бизнесмен Павел Горелов. Полиция склоняется к версии несчастного случая, – здание, мимо которого вечерами обычно проходил бизнесмен, ветхое, давно расселено и подготовлено под снос. Но Инна, сестра погибшего, уверена, что ее брат стал жертвой умного, жестокого убийцы. Подозреваемых более чем достаточно: конкуренты, компаньоны, уволенные сотрудники, жена – главная наследница погибшего. Желая докопаться до истины, Инна нанимает частного детектива Сергея Сошникова...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-09746-0

© Волков Е. П., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Южноград, сентябрь 2018 года	6
1	6
2	9
3	13
4	17
5	20
Париж, август 2018 года	23
6	23
Шотландия, август 2018 года	26
7	26
8	29
Шотландия, долина реки Бэннокбёрн в окрестностях замка Стерлинг, июнь 1314 года	31
9	31
Южноград, август 2018 года	33
10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Евгений Волков

Приговор без обжалования

Но где снега былых времен?

Франсуа Вийон

*Все события, действующие лица и названия организаций наших
дней вымышлены, любые совпадения случайны*

© Е.П. Волков, 2021

© «Центрполиграф», 2021

Южноград, сентябрь 2018 года

1

Ранняя осень внезапно пришла в город, окрасила в желтый и багровый цвета листья на деревьях, освежила бывший до того душным и жарким воздух, умерила буйство летнего солнца. Отставной подполковник спецслужб, с недавнего времени сотрудник частного детективного агентства «Префект» Сергей Леонидович Сошников медленно шел от парковочной стоянки к офисному зданию в центре Южнограда, в котором размещалось его новое место работы. Сошников наслаждался утренней прохладой сентября, бледно-голубым небом и ностальгической мелодией из открытого окна соседнего жилого дома. В такие погожие деньки хотелось побродить по паркам и скверам, пройти по набережной, посидеть в уютном кафе с порцией мороженого и чашечкой капучино. Но эти маленькие радости бытия предстояло отложить до выходных.

Задания в агентстве Сошников получал обычно не слишком сложные, они не шли ни в какое сравнение с его прежней деятельностью, обычная рутина – розыски пропавших стариков и подростков, заканчивающиеся, как правило, благополучно, разоблачения мелких мошенников и аферистов, помощь приезжим, ищущим своих родственников и знакомых, с которыми по тем или иным причинам утратили связи.

Но в это ясное утро в кабинет Сергея Леонидовича пришла женщина средних лет, в строгом брючном костюме, с лицом мрачным и недовольным. И он почувствовал, что услышит сейчас нечто необычное.

– Инна Валентиновна Горелова, директор филиала столичного банка «Синдикат», – представилась дама, протянув Сошникову визитную карточку.

– Слушаю вас внимательно, – ответил частный детектив привычными по сериалам о сыщиках и следователях словами, вручая посетительнице свою.

– Я хочу предложить вам найти и разоблачить убийцу моего младшего брата, Павла Горелова. За хорошее вознаграждение, разумеется.

– Такими расследованиями занимаются следственный комитет и уголовный розыск, вам следует обратиться к ним.

– Они закрыли дело, квалифицируя его гибель как несчастный случай.

– Вполне вероятно, что так оно и есть.

Горелова усмехнулась:

– А я уверена совсем в другом. Хотя, действительно, внешне все выглядит похоже – человек оказался не в то время и не в том месте. Послушайте, господин Сошников, мне вас рекомендовали как профессионала высочайшего класса. Я уже договорилась с вашим руководством, что оплачу услуги агентства по тройному тарифу, и пятьдесят процентов этой немалой суммы перечислят лично вам. Так как, выслушаете меня?

– Говорите, – коротко ответил детектив.

– Сначала немного предыстории, а потом дойду и до обстоятельств гибели Павла... Он с отличием окончил физматшколу и с красным дипломом – мехмат университета, за восемь месяцев до смерти, когда брату исполнилось всего тридцать лет, созданный им софтверный стартап «Гортроника» достиг годового оборота в сто с лишним миллионов рублей, и это было только начало. Увы, могло стать началом грандиозного успеха, но теперь он недостижим. В начале сентября, поздно вечером, Паша возвращался домой из офиса в особняке на Сенной улице. Жил он с женой Валерией в высотном комплексе «Преображенский» на Старой Дво-

рянской, так что шел Павел по улице Толстого, это самый короткий и привычный для него маршрут.

– У вашего брата не было автомобиля? – удивился Сошников.

– Да были, конечно, у него две иномарки, служебный «Лексус» и джип БМВ для личных поездок, но Паша предпочитал на работу и домой ходить пешком, чтобы хоть немного подвигаться, у него не хватало времени регулярно посещать фитнес-центр.

– Понятно, продолжайте, пожалуйста.

– В тот вечер, как и всегда, Паша проходил мимо трехэтажного дома на Толстого, его построили еще до революции и сейчас никак не снесут, возможно, будут реставрировать. Дом давно стал аварийным, жильцов расселили, на первом этаже иногда ночуют бомжи, но полиция их гоняет, потому что могут устроить пожар. Когда Паша поравнялся с балконом на третьем этаже, тот внезапно обвалился и похоронил брата под обломками. Один из прохожих, оказавшийся неподалеку, вызвал по мобильному скорую, но врач лишь констатировал травмы головы и позвоночника, несовместимые с жизнью.

Горелова замолчала, заплакала и начала вытирать слезы белоснежным носовым платком. Сошников быстро встал, налил ей воды из кулера в пластиковый стакан, а когда заказчица успокоилась, сказал с сочувствием:

– Уважаемая Инна Валентиновна, я выражаю вам искренние соболезнования в связи с гибелью близкого родственника, но почему вы решили, что вашего брата убили? Простите, но это уж очень экзотический и неординарный способ расправы с человеком, ни с чем подобным я до сих пор не сталкивался. А в нашем городе, к сожалению, довольно много старых зданий, часть из них – настоящие развалины. Балкон мог упасть в этот момент случайно, Павлу просто не повезло.

– Как писал классик, кирпич, как, впрочем, и балкон, никому и никогда ни с того ни с сего на голову не свалится, – с сарказмом сказала Горелова.

Сошников пожал плечами:

– Я с большим уважением отношусь к творчеству Михаила Афанасьевича, но вряд ли оно может служить основанием для возбуждения уголовного дела.

– Послушайте, того самого прохожего, что вызвал скорую, потом допросили как свидетеля, и он сообщил полиции, что в момент падения в открытом проеме, где когда-то располагалась балконная дверь, мелькнула чья-то тень.

– Он твердо в этом уверен?

– Ну, не совсем, он находился на приличном расстоянии, и уже стемнело...

– Вот видите, ему могло показаться, у правоохранителей есть даже присказка – ошибается, как свидетель.

– Вот что, господин сыщик, я вам плачу, и будьте любезны прислушиваться к моим словам. Несколько человек, не буду указывать их имена и фамилии, выиграли в результате этой с виду случайной и нелепой смерти, так всегда бывает, когда уходит из жизни богатый и успешный предприниматель. Еще раз повторяю, Пашу убили, и убили так аккуратно, что полиция поверила в несчастный случай. Ваша задача – доказать, что это не так, выяснить, кто убийца и кто заказчик и главный выгодоприобретатель от смерти моего брата, возможно, это один человек. Вручаете мне результаты своего расследования, а дальше я сама иду к следователю и добиваюсь возобновления дела. Так как, вы беретесь или нет?

– Я готов провести собственное расследование, – ответил Сошников, – но подтасовывать факты в угоду вашей версии не собираюсь, уж извините, ни за какие деньги. Даже если вы правы, то гарантировать установление личностей убийцы и заказчика я тоже не могу, тем более заменить собой полицию.

– Этого и не требуется, мне нужны улики, доказательства преступных действий. Если не найдете их, я больше никаких действий предпринимать не буду.

– Хорошо, идите к директору агентства и оформляйте договор.

– За этим дело не станет, не беспокойтесь. Но я привыкла платить не за процесс, а за результат. Каждое воскресенье, в десять утра, мы с вами будем встречаться в кафе «Шоколадница» на углу проспекта Фрунзе и Лермонтовской улицы. Будете докладывать, что удалось узнать. И еще. Обратите особое внимание на Пашину вдову Леру и его школьных друзей и совладельцев стартапа – Вадика Кротова и Юру Павленко. Все они были заинтересованы в его смерти, все они получили то, к чему стремились.

– Объясните, на чем основаны ваши подозрения.

– Э нет, милейший, я не собираюсь ссылаться на слухи и сплетни. Наводку я вам предоставила, а дальше работайте, это уже ваш хлеб. Можете, кстати, пообщаться с бывшим начальником службы безопасности «Гортроники» Марчуком, он перешел полгода назад в компанию «Техника связи», с братом расстался по-хорошему, там просто зарплату предложили больше. Марчук Пашу уважал, а вот Кротова и Павленко недолюбливал, хорошо разбирался во взаимоотношениях в коллективе. Желаю удачи!

Горелова встала и, не прощаясь, вышла из кабинета. Сошников усмехнулся – «да, у этой дамочки характер мужской, все по-деловому, все по жестким правилам – плачу за результат». Но ведь результат может ее и не устроить, а платить все равно придется. Надо же, подстроить падение балкона, когда существует множество более надежных способов ликвидации преуспевающего бизнесмена, возвращающегося домой поздним вечером без телохранителя, на первый взгляд – это ненаучная фантастика. А со второго? В любом случае необходимо узнать, что за люди окружали Павла Горелова, и попытаться найти каких-нибудь свидетелей произошедшей трагедии, кроме допрошенного в полиции прохожего. А уж потом делать предварительные выводы.

2

Сошников решил для начала обсудить возникшую в связи с гибелью Павла Горелова ситуацию с начальником убойного отдела городского угрозыска Сергеевым. Тот встретил старого знакомого доброжелательной улыбкой и крепким рукопожатием, предложил чаю или кофе, от которых гость вежливо отказался. Затем пошел откровенный разговор по существу.

– Опять решил превысить свои полномочия, Сергей Леонидович, – с иронией проговорил майор, – ведь частные детективы не имеют права работать по убийствам.

– Так ведь официально признан несчастный случай, – с невинным видом развел руками Сошников, – я по поручению сестры погибшего хочу кое-что уточнить, только и всего. Ведь с расследованиями убийства профессора-историка и похищения его аспирантки я вам немного помог, верно?¹

Сергеев кивнул:

– Да, конечно, было дело. Ладно, готов пообщаться в разумных пределах. С чего начнем?

– С ваших выводов по осмотру места аварии, Александр Александрович.

– Понимаешь, Сергей Леонидович, мы ведь тоже пообщались с гражданкой Гореловой и приняли во внимание ее подозрения, – стал рассказывать майор, – но ничего криминального обнаружить не смогли. Визуальный осмотр и проверка в лаборатории обломков балкона не выявили наличия каких-либо химических веществ, так что обрушение в результате применения взрывчатки маловероятно. Правда, на одном из них замечен след, напоминающий предположительно нанесение удара железным ломом или деревянным колом, но когда это случилось и случилось ли на самом деле – трудно сказать. Дому этому больше ста лет, строили его в конце девятнадцатого века, за прошедшие годы кто там только не обитал и не выходил на балкон, переживший бомбежки и артобстрелы и в итоге покрывшийся глубокими трещинами. Действительно, ответственные за эксплуатацию и ремонт зданий в этом районе города должны понести наказание за халатность, приведшую к гибели человека, они обязаны были поставить ограждение с надписью «Опасно для жизни», этим занимается сейчас следователь областного управления СК. Но умышленное убийство, да еще и тщательно спланированное... Нет, это просто бред какой-то. Слишком сложно, слишком рискованно.

– А как же показания свидетеля о тени в проеме, Александр Александрович, что ты по этому поводу думаешь? – спросил Сошников.

Сергеев рассмеялся:

– Леонидыч, ты бы видел и слышал этого свидетеля, парень молодой, но с детства носит очки, зрение такое, что в армии служить не может, даже к нестроевой не годен. К тому же очень неуверенный, постоянно сам себе противоречит – то он что-то заметил, то вроде бы заметил, а может быть, и нет. Сам ведь хорошо знаешь, свидетели могут и приукрасить, и даже невольно приврать, выдавая свои фантазии и предположения за факты.

– А лом, арматуру, кол в доме искали?

– Обижаешь, Сергей Леонидович, не только в доме, но и в соседних дворах, в мусорных баках, в канавах. Ничего подобного не обнаружено. А ведь преступники, как правило, тут же избавляются от орудия преступления. Короче говоря, никаких улик в подтверждение версии о спланированном покушении найти не удалось.

– Так дело закрыто?

– Практически да, виновных в нарушении правил безопасности привлекут к ответственности.

– А если я все-таки продолжу расследование, не привлекая твоих ребят?

¹ История этого расследования рассказана в книге «Тайна древнего кургана».

– Да пожалуйста, действуй, можешь даже сослаться на наше сотрудничество. Если что-то нароешь – милости прошу, начнем с твоей помощью все сначала.

– Лады, спасибо за понимание. Тогда до связи, товарищ майор.

– Всегда буду рад твоему звонку, товарищ подполковник.

После этой беседы Сошников поехал в бизнес-центр на углу Старой Дворянской и Редутного переулка. Когда-то здесь располагался небольшой завод автокомпонентов, из открытых летом окон цехов пахло машинным маслом и металлической стружкой. В начале девяностых он обанкротился, не выдержав падение спроса на свою ставшую разом ненужной продукцию. Из одноэтажных серых зданий вывезли старенькие станки, немногочисленных рабочих предпенсионного возраста уволили. Новые хозяева заводской территории оборудовали все помещения под склады и начали сдавать их в аренду. Склады несколько раз горели, принося немалые, не покрываемые страховкой убытки владельцам, но снова и снова возрождались, как легендарная птица феникс. Однако лет десять назад их снесли, и на месте завода появилось современное высотное сооружение из стекла, железа и бетона. В нем и занимала целый этаж известная в городе телекоммуникационная компания, в которой трудился теперь Николай Семенович Марчук, с которым Сошников заранее договорился о встрече, упомянув о знакомстве с Инной Гореловой.

Бесшумный лифт быстро поднял детектива на девятый этаж, здесь уже прохаживался по ковровой дорожке на полу длинного коридора коренастый круглолицый мужчина средних лет, оказавшийся Марчуком. Он пожал Сошникову руку и предложил пообщаться в переговорной комнате.

В ней оказалось прохладно благодаря работе кондиционера. Марчук чай и кофе собеседнику предлагать не стал, сразу перешел к делу:

– Так вы представляете агентство «Префект» и выполняете заказ для Инны Валентиновны?

– Так точно.

– Очень рад быть ей полезным, пережить такое горе... Но Горелова – сильная женщина, она с ним справится. А что, собственно, вас интересует, ведь следствие закончено, не так ли?

– Инна Валентиновна не уверена, что это правильное решение.

– Понимаю, понимаю, и на то есть причины. Задавайте вопросы, Сергей Леонидович, постараюсь на них ответить.

– Я хотел бы побольше узнать о Кротове, Павленко и Валерии Гореловой.

– Лера сохранила в браке девичью фамилию – Листницкая. Что касается взаимоотношений этих людей с покойным Павлом Валентиновичем, то они были непростыми, весьма непростыми. Начну с того, что все четверо учились в одной школе, физико-математической, на углу Лермонтовской и переулка Соколова. Паша, то есть Павел Валентинович, был самым умным, самым способным, тут гены, я полагаю: дед – академик, директор НИИ, отец – профессор на мехмате. Горелов и Лера Листницкая, девушка красивая и неглупая, поступили туда в один год и на пятом курсе поженились. Вадик Кротов тоже учился в университете, но не на механико-математическом факультете, а на экономическом. Что касается Юры Павленко, то он прошел обучение в МФТИ, а потом вернулся в Южноград. В какой-то момент, лет пять назад, парни решили создать собственную фирму. Я в компьютерных науках плохо разбираюсь, но все их системы основывались на каких-то специальных математических методах, разработанных Гореловым. Он стал генеральным, Кротов – коммерческим директором, а Павленко – техническим.

– А Валерия Листницкая также вошла в состав учредителей?

– Насколько я знаю – нет, она прошла дополнительное обучение и работает главным бухгалтером. Ходили слухи, подчеркиваю – только слухи, но я, как начальник службы безопас-

ности обязан был быть в курсе, что в одиннадцатом классе за Лерой ухаживали и Горелов, и Павленко, но она, понятное дело, выбрала Пашу.

– А почему?

– Все просто, коллега, Листницкая очень практична, а Павел Валентинович всегда стремился быть первым во всем. И это у него неплохо получалось.

– И что же, упомянутое вами соперничество продолжалось и после свадьбы Горелова и Листницкой?

– Мне об этом ничего не известно, не думаю. Юра просто стал другом семьи, в хорошем смысле этого слова.

– А сам-то Павленко женат?

– Нет, Юра пока холостяк. Что касается Вадима Кротова, то он – клоун по жизни, любит рассмешить, побалагурить, рассказать веселый анекдот, хоть завтра в «Камеди Клуб». Парни, должен сказать, первое время жили и работали очень дружно, ну прямо как три мушкетера. Но вот год назад на фирме начались проблемы.

– В чем же они заключались?

– По моим данным, Кротов стоял за продажу компании конкурентам-москвичам, те предлагали хорошую цену, и уговаривал друзей избавиться от хлопот ведения собственного бизнеса и зажить после сделки без забот и напряжения, в свое удовольствие, Горелов был категорически против, а Павленко колебался.

– А Листницкая?

– Она не имела права голоса, но всегда поддерживала мужа. В общем, начался затяжной конфликт, о котором на фирме мало кто догадывался. Потом я уволился, чем все закончилось между ними, не знаю. Вот и все, что могу сообщить, пожалуй. Еще вопросы?

– А не возникало ли конфликтов при вас у Горелова с кем-нибудь из наемных сотрудников?

– Случалось и такое, как же. В феврале текущего года он уволил начальника отдела сопровождения программного обеспечения Андрея Петровича Белугина, тот ушел со скандалом. Сейчас вроде устроился на кафедру в университете, что-то преподает. Склочный мужик, много о себе понимает, – неприязненно отметил Марчук.

– А за что же его Горелов уволил?

– Тот поругался с заказчиками, что привело к отказу последних от продления договора по сопровождению. Так мне Павел Валентинович объяснил, я с Белугина взял подписку о неразглашении конфиденциальной коммерческой и технической информации, к которой он имел доступ. Извините, но мне нужно идти, много дел. Если что – заходите, может, еще что вспомню, только позвоните перед тем.

Они попрощались, и через час Сошников уже оказался дома, в своей уютной однокомнатной квартире на окраине. Он после развода с женой уже несколько лет жил один, о чем совсем не жалел. Книжки, рыбалка, посещение футбольного стадиона да игра в шахматы с компьютером – в свободное время всегда находилось чем заняться. Да и времени этого было немного – к работе Сергей Леонидович подходил основательно, старался разобраться во всех деталях, во всех обстоятельствах. Вот и сейчас, еще не увидев вдову и друзей покойного Павла Горелова, он уже мысленно составил о них первое впечатление. Все трое были, по выражению сестры бывшего генерального директора, выгодоприобретателями после его гибели под обломками балкона старого дома. Но совсем не обязательно заказчиками и тем более исполнителями возможного преступления. Листницкая стала богатой наследницей, Кротов, скорее всего, продавит теперь продажу стартапа москвичам, у Павленко появился шанс жениться на любимой женщине. Так что же все-таки привело к таким последствиям – несчастный случай или хладнокровное и тщательно подготовленное убийство? Как и в прежних совместных с уголовным

розыском расследованиях, Сошников собирался приложить максимум усилий для ответа на этот непростой вопрос.

3

Покойный генеральный директор ООО «Гортроника» приобрел старинный одноэтажный купеческий особняк на Сенной улице за три года до своей трагической смерти. В советское время в этом доме находилась детская поликлиника, потом она переехала в новое стандартное панельное здание, а в особняке разместился коммерческий медицинский центр, разорившийся в 2009 году, во время очередного финансового кризиса. Дом получил в качестве компенсации за невозвращенный кредит филиал банка «Синдикат», сразу же выставив на продажу, но покупателей долго не удавалось найти, и в итоге Инна Валентиновна предложила своему брату купить его на льготных условиях. До этого стартап ютился в скромном помещении в Восточном жилом массиве, вдалеке от центра города, но Горелов решил, что настало время развиваться и расширяться, и вообще выглядеть посolidнее в глазах заказчиков. Фирма переехала из некачественного полуподвала в респектабельный особняк, генеральный директор вместо футболки и джинсов начал надевать на работу элегантный синий костюм в полоску, белую сорочку и модный галстук. Сменился имидж офиса, сменился имидж его владельца и руководителя, беззаботный и склонный ранее к компромиссам «ботан» превратился в жесткого и хваткого дельца, которого трудно стало на переговорах заболтать, обмануть, подвергнуть давлению, запугать. Потомственный ученый быстро овладел навыками предпринимателя, его аналитический ум сочетался, как оказалось, с железной волей. Но, случайно или целенаправленно, все перспективы Горелова в одно роковое мгновение рухнули, как рухнул злополучный балкон. И теперь его вдове и партнерам по бизнесу нужно было двигаться дальше. Только вот в каком направлении?

В тот самый день, когда Сошников начал выяснять обстоятельства гибели Павла Горелова, в просторном директорском кабинете, который пока никто не занял, собрались Валерия Листницкая, Вадим Кротов и Юрий Павленко. Впрочем, руководители «Гортроники» привыкли к тому, что называли друг друга просто Лера, Вадик и Юра, потому что были молоды и знакомы с первого класса. И сотрудники компании были в основном молодые, и инновационный бизнес их был молод и перспективен.

Листницкая, одетая в черное платье голубоглазая блондинка, скорее миловидная, чем красивая, села в кресло мужа, похороненного две недели назад на Новом кладбище, Кротов и Павленко заняли места за Т-образным столом справа и слева от нее.

– Так что, камераден, вернемся к нашим баранам, – начал непростой для всех разговор Вадим Кротов, худощавый кареглазый шатен в темно-коричневом костюме, кремового цвета рубашке и бежевых мокасинах.

– Вернемся, – согласилась Листницкая, – но только хочу перед тем расставить все точки над «і». Вынуждена напомнить присутствующим, что по завещанию Паши я получаю его должность и долю в компании в размере пятидесяти двух процентов, так что даже в сумме твои и Юрины доли дают всего лишь сорок восемь. Любое ваше предложение я могу заблокировать.

– Да я никогда не забываю об этом факте, радость моя, – ухмыльнулся Вадим, – ты же теперь в нашей карете коренная, а мы так, пристяжные. Но могу я все-таки еще раз высказать свои соображения по обсуждаемому вопросу?

– Конечно, – сухо ответила Листницкая, – высказывай, не стесняйся.

Кротов откашлялся, налил в бокал из стоявшей на столе стеклянной бутылки минеральной воды, отпил небольшой глоток и стал говорить, слегка волнуясь:

– Уважаемые коллеги, наша замечательная фирма сейчас на подъеме, заказы так и сыплются. Предлагаемое нами программное обеспечение для обработки больших данных с последующим анализом и рекомендациями для руководства очень востребовано на рынке в период цифровой трансформации, оно ничем не хуже зарубежных аналогов, зато гораздо дешевле. Но,

как показывает мировой опыт, так будет не всегда. Конкуренция в данном сегменте высока, как никогда, с безвременной кончиной Паши, Царство ему Небесное, мы лишились главного – потенциала развития. Увы, Горелов был уникален как математик, заменить его невозможно, а значит, год, от силы два, и нас начнут поджимать. Поэтому, по моему скромному мнению, самое время продать компанию и превратиться в рантье.

Павленко слушал коммерческого директора с отсутствующим видом, все эти аргументы декларировались Кротовым не один раз. А Листницкая, сделав паузу, решительно заявила:

– Этого не будет, даже не думай.

– Но почему, о мудрейшая из очаровательных и очаровательная из мудрейших?

– Не паясничай, Вадик, ты не на сцене и не ведущий стендап-шоу. А почему я против, ты давно прекрасно знаешь. Вспомни, как мы начинали, как занимали деньги у родственников и знакомых, как закладывали собственные квартиры и родительские дачи, как работали по двадцать часов в сутки, как зависали перед мониторами до боли в глазах. И вот теперь, когда дела, наконец, пошли в гору, бросить все и уйти в рантье, не рано ли? Да и пойми, жить на доходы с банковских депозитов сейчас не очень-то и получится при нынешней ключевой ставке, причем такая картина во всем мире. Придется играть на бирже, регулярно покупать и продавать акции и ОФЗ, а это тоже риск, и немалый. Нужно будет нанимать толкового и надежного брокера, мы сами ведь в этом деле плохо разбираемся.

– Согласен с Лерой, – вступил в разговор Павленко, уже начавший сесть плотный брюнет, одетый в стиле casual.

Кротов патетически воскликнул:

– И ты, Брут!

Потом улыбка исчезла с его лица, и Вадим сказал устало:

– Ладно, не будем спорить, так, значит, так. Тогда прошу об одном: я хочу выйти из состава учредителей и вернуть свою долю. Вопрос: когда я смогу получить деньги?

– В декабре, после завершения проекта в Санкт-Петербурге, когда заказчик подпишет технические и финансовые акты приемки и выплатит компании всю сумму по договору, – сразу же ответила Валерия.

– Я не могу ждать так долго, – раздраженно заявил Кротов, – возьмите кредит у Инны, в декабре ей и вернете.

– Я подумаю, – сухо отреагировала на это предложение Листницкая, – но для начала напиши официальное заявление, тогда бухгалтерия рассчитает в соответствии с действующим законодательством и уставными документами, сколько тебе причитается. Учти, что срок выплаты – не позднее трех месяцев после подачи заявления. Еще есть вопросы?

– Сейчас нет, пока-пока, убегаю, у меня деловая встреча, – сказал Вадим, вставая.

Когда он попрощался и ушел, Павленко вздохнул и тихо спросил:

– Мы сможем провести этот уик-энд вместе, любимая?

Валерия отрицательно покачала головой:

– Нет, не сейчас. Возможно, в будущем, но я тебя не хочу обнадеживать, Юра. Мне необходимо какое-то время побыть одной, разобраться в себе, в своих чувствах.

Павленко поднялся со стула, подошел к вдове, поцеловал ее в щеку и тоже вышел из кабинета.

Листницкая бегло просмотрела несколько листов с графиками и диаграммами, а затем закурила, хотя в очередной раз пыталась бросить. Смерть мужа подвела черту под важной частью жизни, но она не закончилась, напротив, все было еще впереди. Тот теплый ласковый вечер с Юрой в дорожном мотеле, его объятия, нежные слова о любви...

Что заставило ее в первый раз (а как выяснилось вскоре, и в последний) изменить мужу, неужели те мерзкие фотографии в белом конверте без подписи, оставленном кем-то за дворниками на лобовом стекле подаренного Пашей «инфинити»? На них не было ничего интим-

ного, компрометирующего, всего лишь столик в каком-то ресторане или кафе, а за ним улыбающийся Паша и юная особа ангельской внешности, не старше двадцати двух – двадцати четырех лет. Кто она, что общего между ними, с какой целью встретились эти двое? Риторические вопросы, на которые не требовалось долго искать ответ. Поэтому, когда муж сообщил, что уезжает с важными партнерами на рыбалку с ночевкой, а Павленко (надо же, имя одного напоминало фамилию другого) посмотрел на нее своими грустными темными глазами и предложил проехать за город, Лера согласилась.

А потом, на кладбище, у закрытого гроба (травмы головы были ужасны), она вдруг увидела в стороне, за деревьями, ту самую девицу с фотографий, приведших ее в ярость. Или это просто привиделось? Там никого уже не было, когда толпой (пришли почти все сотрудники) направились к выходу. Хотелось ли Лере узнать ее имя, возраст, профессию? Нет, это выглядело после случившегося нелепым и вздорным. Ревновать к мертвецу – глупо и бесполезно, с Пашей уже не поговорить, не объяснить, не поругаться. Во вскрытом нотариусом завещании о незнакомке не было ни слова, а значит, ее необходимо забыть, как дурной сон. И лишь одно вызывало некоторый интерес у молодой вдовы: кто сделал и подбросил ей компрометирующие покойного мужа снимки? И главное – с какой целью? Впрочем, и это теперь было не так уж важно...

После неприятной беседы с совладельцами «Гортроники», оставившей все же хоть какую-то надежду на решение проблемы, дамковым мечом нависшей над ним (будь жив Горелов, надежды вообще не существовало бы), Вадим Кротов пообедал в дорогом рыбном ресторане, прогулялся по набережной, и ближе к вечеру поехал на другой конец города, в Заводское поселение. Машиностроители получали здесь квартиры еще с тридцатых годов прошлого столетия, когда возведение корпусов будущего предприятия объявили Всесоюзной стройкой. Машзавод в девяностые выстоял, а ныне успешно развивался, поставляя промышленные трактора, экскаваторы и грейдеры как на внутренний рынок, так и за рубеж. Часть пятиэтажек снесли, на их месте выросли жилые высотки с магазинами, кафе и парикмахерскими на первых этажах.

Кротов припарковался на платной стоянке у супермаркета, вышел из автомобиля и последовал вальяжно к двадцатиэтажной башне. Он старался внушить себе, что все идет по плану, все в порядке, неприятности и трудности вот-вот завершатся. Подойдя к двери подъезда, набрал на домофоне нужный код, назвал себя и открыл разблокированную дверь.

На девятом этаже Вадим вышел из лифта, позвонил в одну из квартир, защищенную от внешнего мира массивной железной дверью с глазком. Кротова впустил в прихожую пожилой мужчина с обрюзгшим лицом, в домашней пижаме и комнатных туфлях.

В просторной гостиной стояли у окна еще двое немолодых гостей, сдержанно поздравившихся с Вадимом. Приведший его владелец квартиры достал из ящика секретера колоду игральных карт, предназначенную для покера. Когда все расселись за круглым полированным столиком, мужчина в пижаме вкрадчиво сказал:

– Любезный Вадим Валерьевич, не могу не обратить ваше внимание на то, что к сегодняшнему дню вы задолжали Роману Викторовичу и мне довольно солидную сумму, называть точный размер которой мне не позволяет врожденная деликатность. Но я ее могу вам напомнить по первому требованию, заметьте. Позвольте задать в этой связи один нескромный вопрос: когда вы вернете долг?

– Скоро, очень скоро, уважаемый Иннокентий Андреевич, – бодрым голосом ответил Кротов.

– Очень рад это слышать, мой юный друг, вы ведь знаете, у нас тут не налоговая инспекция, со злостными неплательщиками поступают очень грубо, уж таковы правила, – со злой улыбкой произнес хозяин катрана.

– Я все верну, не беспокойтесь, – широко улыбнулся Вадим, – ведь карточный долг – долг чести, как говорили наши дворянские предки.

Его партнеры по покеру лишь молча переглянулись, и игра началась. Кротов, внимательно рассматривая полученные при раздаче карты, снова с тоской задумался о том, как он втянулся в эту азартную круговерть, неумолимо затягивающую его в криминальную пропасть. Чего, ну чего ему не хватало? Напряженные деловые переговоры, стресс и возбуждение требовали, казалось, последующего отдыха, релакса. Но нет, Вадиму хотелось взбодриться, рискнуть, поднять адреналин. Первый раз, приглашенный в эту квартиру случайным знакомым, он просто хотел проверить свою удачу, но потом втянулся, попал в зависимость. И в итоге крупно проигрался. Теперь только деньги за долю в «Гортронике» могли спасти Кротова от неминуемой расправы в случае невозврата долга.

4

За долгие годы службы Сергею Леонидовичу Сошникову пришлось общаться с непохожими друг на друга людьми, у каждого из которых были индивидуальные особенности. Не имея диплома психолога, он освоил эту область знаний практически, научился быстро и достаточно точно устанавливать психотип собеседника и определять, рассказывает ли тот всю правду, что-то утаивает или лжет. На основе полученного опыта Сошников пришел к одному важному выводу. Если человек в ходе опроса считал, часто безосновательно, что в чем-то подозревается, то вел себя, как правило, настороженно, замыкался, был немногословен. Если же его удавалось убедить в том, что он интересен и важен как свидетель тех или иных инцидентов или ЧП, то уровень тревожности постепенно снижался, и удавалось узнать много важного о событиях и причастных к нему.

После встреч с Инной Гореловой, майором Сергеевым и бывшим начальником службы безопасности компании «Гортроника» Марчуком частный детектив выделил четверых, кто мог в принципе быть связан в той или иной степени с гибелью генерального директора: его вдову Валерию, школьных друзей и совладельцев стартапа Кротова и Павленко, а также уволенного начальника отдела эксплуатации Белугина. Со всеми требовалось встретиться и поговорить, причем начать Сошников решил с Листницкой. Но прежде он посчитал необходимым по старой привычке провести «рекогносцировку», то есть лично посетить место, где произошел несчастный случай. Или хорошо спланированное преступление.

Дом на Толстого действительно выглядел удручающе, он походил на больного в состоянии предсмертной агонии. С первого на третий этаж вела лестница, некогда прочная и надежная, а ныне грозящая в любой момент обвалиться, что и случилось с балконом, погубившим Павла Горелова. Сошников, осторожно шагая по ступенькам, поднялся наверх, заглянул в комнату, ныне несуществующая дверь из которой ранее вела на балкон, прошелся и по другим опустевшим и унылым квартирам. Ничего примечательного, ничего подозрительного, типичное строение под снос.

Когда Сергей Леонидович вернулся на первый этаж, то увидел там бомжа неопределенного возраста, в женской кофте, рваных брюках и сандалиях. Бродяга опасно поглядел на детектива и хотел уже уйти, но Сошников подмигнул ему и спросил по-дружески:

– Мужик, выпить хочешь?

– А ты что, поставишь? – с недоверием поинтересовался бомж.

– А то! Ты меня только подожди немного, я в магазин смотаюсь и сразу вернусь, посидим, выпьем, поговорим.

– И о чем нам с тобой говорить?

– Потом узнаешь. Да ты не бойся, брат, неприятности с любимым могут случиться, да ведь и жизнь наша вроде зебры – сегодня черная полоса, а завтра белая. Может, когда-нибудь и ты меня угостишь.

– Это вряд ли, – скептически протянул оборванец, – но вообще-то кто его знает, если что – накрою тебе поляну.

– Да я и не сомневаюсь, жди.

У Сошникова был уже опыт похожего общения на Почтовой улице при выяснении причин смерти артиста Театра музкомедии Заварзина, и тогда сведения, полученные от дворника, а в прошлом инженера и бродяги Федотова, оказались очень важными. А вдруг и этот бедолага может рассказать что-то интересное?

Через десять минут отставной подполковник и лицо без определенного места жительства пили водку из пластиковых стаканчиков и закусывали холодными чебуреками, расположившись в помещении, когда-то бывшим кухней. Давно утративший работу, семью и квартиру

электрик, представившийся Федором, притащил откуда-то потертый стол и пару чурбанов, заменяющих табуретки. От бомжа пахло, и отнюдь не одеколоном.

– Как же ты, Федя, до жизни такой печальной дошел? – сочувственно спросил частный детектив.

Бомж тяжело вздохнул и доверчиво пояснил:

– Все алкоголь проклятый, дорогой товарищ. Запойный я, жена терпела-терпела, да и прогнала. Такие дела. А работник был хороший, пока трезвый, это тебе каждый подтвердит.

– Ночуешь в этом дворце?

– Ну да, бывает. Тут еще Васек кантуется частенько, корешок мой. Только сейчас опасно стало, гоняют нас.

– Не был ли ты здесь в тот вечер, когда балкон рухнул и прохожего раздавил?

Федор поглядел на собутыльника с подозрением:

– Так ты чего, это самое, из органов, что ли?

– Да нет, не дрейфь, из страховой компании. Решается вопрос о выплате семье погибшего, нужно выяснить, следили ли представители РЭУ за состоянием здания, – туманно объяснил свой интерес Сошников.

Бомжа эти заверения вполне устроили, он заявил с возмущением:

– Как же, следят они! Как пригрозить полицией бедным людям, так пожалуйста, а как ремонт организовать, так нет никого. А вечером, когда мужика приплющило, я внизу кемарил после пьянки, Васек как раз спирт где-то надыбал.

– Он с тобой был?

– Нет, он после того на реку пошел, захотел окунуться.

– Ты слышал грохот с улицы?

– Само собой, тут же проснулся. Громыкнуло капитально, я уж подумал было, что землетрясение началось. Хотя их, слава богу, в наших краях никогда не случилось.

– А может, это вы с Васьком по пьяни балкон завалили?

– Да нет, ты что, мы даже наверх не ходим по лестнице, она вот-вот на части разлетится, на честном слове только и держится. Такие дела, брат.

– Полиция тебя допрашивала?

– Я сразу рванул отсюда, мне лишние заботы не нужны, только вчера вернулся. Днем спал в подвале дома на Сенной, по ночам мусорные баки инспектировал, жрать-то хочется. Ну и фуры на набережной разгружал под утро, там платят неплохо.

– Заметил в тот вечер что-то необычное в доме, кто-нибудь спускался с третьего этажа?

Федор задумался, потом сказал не слишком уверенно:

– Вроде спускался. Так, тип один.

– Какой из себя?

– Вроде длинный, в плаще. Но, может, мне спросонья и с похмелья померещилось.

– А перед этим ты никого незнакомого возле дома или внутри не встречал?

– Художник какой-то рисовал дом целый день, стоял на улице с деревянной доской на ножках.

– С мольбертом?

– Ну да, наверное, я таких и слов-то не знаю, доска и доска. Худой, костлявый, волосы и борода седые.

– А больше ты его не видел здесь с тех пор?

– Не, не видал.

Сошников поставил на стол стаканчик, который лишь чуть пригубил, достал из кармана куртки бумажник и вручил бомжу пятисотенную купюру со словами:

– Спасибо за информацию, Федор, но ты только водку не покупай, уж постарайся, а лучше поешь досыта чего-нибудь свеженького. И вот еще что, сходи на железнодорожный вокзал, там

рядом волонтеры открыли для таких, как ты, помывочный пункт, может быть, и одеждой теплой снабдят, зима не за горами. А вообще – лечиться тебе надо от алкоголизма и возвращаться к нормальной жизни, волонтеры и с этим помогут, я надеюсь.

– Схожу, отчего же не сходить, – ответил с довольным видом бывший электрик, пряча полученный бонус.

Усевшись в автомобиль, Сергей Леонидович оценил результат своей поездки как весьма успешный. Удивительно, но недоверие Инны Гореловой к официальной версии гибели ее брата получило подтверждение, хотя основывалось оно на показаниях сомнительного для правосудия очевидца. Да и описание бомжом предполагаемого преступника выглядело весьма скудным, по нему никакой словесный портрет не составишь. Но вот упомянутый Федором художник мог заметить и запомнить человека, возможно осматривающего здание перед убийством для планирования преступных действий. Только вот где этого художника, подлинного или мнимого, искать, разве что в городском саду, на одной из аллей которого по выходным выставляли свои картины местные живописцы. Если незнакомец действительно был художником, а не тем самым убийцей или его помощником...

Отложив этот вопрос на будущее, Сошников набрал на мобильном номер офиса ООО «Гортроника» и попросил соединить его с Валерией Листницкой. Услышав о поводе для встречи, вдова пригласила его к себе домой, назвав адрес и код электронного замка в подъезде.

5

В ожидании визита частного детектива Лера уселась в гостиной в мягкое кресло, накинула плед, включила проигрыватель. Ностальгическая мелодия, грустные звуки саксофона и своеобразный, непохожий на другие голос Жанны Агузаровой, поющей о полупустом ночном вагоне метро и старом отеле, в окна которого смотрит полная луна, навеяли воспоминания, приятные и горькие одновременно.

... Знакомые по школе и универу посчитали их брак мезальянсом для Павла Горелова. Сын профессора и внук академика, уважаемых и известных в Южнограде ученых, выбрал в жены дочь водителя троллейбуса и кондуктора, старшую в большой многодетной семье. С детства Лера слышала от родителей, что она должна помогать им в воспитании двух братьев-близнецов и сестры. Должна, должна, должна... Нужно было перед школой завести детишек в детский сад, после занятий забрать их, привести домой, накормить, уложить спать, если отец и мать задерживались. Как она все успевала, и при этом хорошо училась в физико-математической школе? Наверное, давало силы осознание того неоспоримого факта, что только образование могло открыть ей доступ к социальному лифту в иную, не похожую на родительскую, жизнь. И еще – непонятно откуда взявшиеся способности к точным наукам.

В восьмом классе началась их дружба с Пашей, постепенно переросшая в любовь. Стройный юноша, с мужественным лицом и со спортивной фигурой, Горелов постоянно побеждал на олимпиадах по физике и математике, успешно участвовал в шахматных турнирах, неплохо играл в теннис, превосходно плавал, посещая бассейн три раза в неделю.

Родители Леры умерли вскоре после ее свадьбы, братья поступили в военную академию и теперь служили на Дальнем Востоке, младшая сестра после окончания колледжа тоже вышла замуж и переехала в Санкт-Петербург, общались все они между собой в основном в соцсетях, поэтому настоящей ее семьей стал муж. Его вышедший на пенсию дед скончался от инфаркта пять лет назад, родители еще раньше переехали на ПМЖ в Канаду, где смогли устроиться на преподавательскую работу в университет и вдобавок занялись написанием пособий для студентов и аспирантов. Инна Валентиновна, старшая сестра мужа, успешно продвигалась в своей банковской карьере, на недвижимое имущество деда не претендовала. Павел и Валерия заняли пятикомнатную профессорскую квартиру в дореволюционной постройке многоэтажном доме на Лермонтовской, обставленную ставшей уже винтажной, хорошо сохранившейся мебелью середины двадцатого века. В книжном шкафу в гостиной на полках стояли собрания сочинений отечественных и зарубежных классиков, учебники и монографии по математическому анализу и теории вероятности, старинные напольные часы громко отбивали каждый новый час, паркетный пол каждую неделю натирала мастикой приходящая прислуга, именуемая теперь клининг-менеджером.

Поначалу семейная жизнь Павла и Валерии складывалась счастливо. Одержимость наукой, создание стартапа, поездки на заграничные курорты, дайвинг и виндсерфинг, прогулки по реке на собственной яхте... Но постепенно возникло с его стороны некое отчуждение, не сразу ставшее ей заметным. Так оно часто и бывает, сначала веет прохладный ветерок вроде бы случайного невнимания, постепенно переходящий в ледяную стужу равнодушия. Нет одиночества тоскливее, чем одиночество вдвоем, под одной крышей, формально самых близких друг другу людей.

Лера вдруг ощутила, как обожание и страсть переходят в уважение и доброжелательность, они больше обсуждают на работе доход и прибыль, чем дома – общие бытовые мелочи, планы совместного летнего отдыха, нашумевшие фильмы или книги. Она даже тайком от мужа сходила на консультацию к психологу, вежливый и внимательный специалист посоветовал поговорить откровенно о возникших проблемах с Павлом, попытаться совместно найти их

решение. Но причины охлаждения Валерии были и так понятны, и вряд ли задушевные беседы могли бы что-то изменить к лучшему. У них никогда не будет собственного ребенка, и не Паша был тому виной, а он мечтал стать отцом. Как-то раз по телевизору шло шоу о приемных детях и суррогатном материнстве, муж резко отрицательно отнесся к такому выходу из положения, приемлемому для многих молодых семей. Так что это окно возможностей оказалось для них наглухо закрытым. Что говорила о ней Павлу его старшая сестра Инна, с первых же дней после свадьбы демонстративно игнорировавшая Леру, последняя только догадывалась.

Паша неожиданно увлекся далеким от математики и программирования направлением – историей и культурой древних кельтов. Он начал посещать соответствующие сайты и общаться в чатах с такими же энтузиастами из разных стран, завел свой собственный, в котором поместил подробную информацию о себе и своем хобби, побывал в Москве на праздновании Дня святого Патрика и на пресловутом Хеллоуине, регулярно приглашал заказчиков для проведения неформальных переговоров в шотландский паб на северной окраине Южнограда. Лера искренне удивлялась столь странному выбору, муж же объяснял, что хочет немного отвлечься от разработки сложных алгоритмов и ведения бизнеса, занять голову чем-то совершенно другим.

Они все реже встречались на работе, да и домой Павел стал приходить и приезжать поздно вечером, ссылаясь на огромный объем новых проектов, встречи с потенциальными партнерами на природе, вдали от городского шума. А рядом тосковал влюбленный в Леру со школы Юра Павленко. А когда она увидела те фотографии, случилось то, что случилось...

Воспоминания прервал звонок в дверь. Детектив оказался ничем не примечательным пожилым мужчиной с короткой армейской стрижкой, он стал расспрашивать ее о погибшем муже, его друзьях и коллегах, отношениях в коллективе. Лера отвечала охотно, делая вид, что скрывать ей совершенно нечего. Конечно, можно было и выставить гостя за дверь за эти бесцеремонные и назойливые вопросы, но тогда у нанявшей его Инны укрепятся нелепые подозрения, что гибель ее младшего брата стала результатом чьих-то злонамеренных действий. А в материальном плане больше всех выиграла от смерти Павла именно она, Лера. Так что спрашивайте, доморощенный Шерлок Холмс, интересуйтесь всякой ерундой, безутешная вдова сообщит вам все, что знает. Или почти все...

Сошников слушал внимательно, изредка просил кое-что уточнить, рассказать поподробнее. Валерия тепло отозвалась о Кротове и Павленко, уволенного Белугина охарактеризовала тщеславным и самовлюбленным нарциссом, явно переоценивающим свои довольно скромные возможности.

– А не мог ли он отомстить вашему мужу? – прямо спросил Сергей Леонидович.

Лера расхохоталась:

– Кто, Андрей Петрович? Да нет, ерунда, у Белугина для такого поступка кишка тонка, как говорится. Он скандалист, но при этом трусоват.

Сошников вспомнил пословицу о тихом омуте. Но он не стал говорить о своих сомнениях, а вместо этого задал еще один вопрос:

– А чем занимался ваш покойный муж незадолго до своей смерти?

Листницкая пожала плечами:

– Да чем и обычно. Руководил проектами по созданию нового ПО, готовил сделки с заказчиками, в августе слетал на неделю в турпоездку в Эдинбург, он увлекался шотландскими и ирландскими мифами, историей Шотландии, кельтской музыкой...

– Без вас?

– Я в это время обучалась на курсах по новым требованиям подготовки годового баланса, да и скитаться по холодным замкам и вересковым пустошам мне не очень-то хотелось, предпочитаю пляжи Коста-Брава и Коста-дель-Соль.

– В каком настроении вернулся Павел Валентинович, все ли прошло благополучно во время его поездки?

– Он был в отличном настроении, ни о каких сложностях не говорил. Скажите, а разве гибель мужа не признана несчастным случаем, ведь полиция закрыла дело?

– Лишь приостановила. Инна Валентиновна уверена, что его убили, причем очень профессионально, не оставив следов.

Лера не смогла сдержаться:

– Я понимаю, вы на нее работаете и должны ей верить, но всему есть предел! Знаете, эта особа давно меня ненавидит, не имея на то никаких оснований, просто невзлюбила, считает хитрой выскочкой. Сама в разводе много лет и нашу семью пыталась разрушить. А теперь пытается причинить мне побольше неприятностей. И, скорее всего, в чем-то подозревает, не правда ли?

– Мне она ничего подобного о вас не говорила. Еще один вопрос. Я слышал, что вашу фирму готова купить некая столичная компания, но при жизни Горелова такая сделка никогда бы не состоялась. Не могло ли желание устранить препятствие в его лице стать причиной заказного убийства?

Листницкая нахмурилась и ответила сдержанно:

– Стартап и после смерти моего мужа никому продан не будет, это совершенно исключено. А вообще участники нашего сектора рынка IT являются законопослушными гражданами и привыкли действовать цивилизованно, не верьте тому, кто утверждает обратное.

Сошников поблагодарил вдову за уделенное ему время, попрощался и ушел, а Лера не спеша проанализировала произошедший разговор. Итак, расследование обстоятельств гибели Павла, возможно, продолжится. Кто же войдет в число подозреваемых? Она сама, разумеется, как единственная законная наследница, родителей и сестры в завещании нет. Как нет и той девицы, у которой хватило наглости явиться на похороны. Да, а что, если ее прежний ухажер и подбросил фотки, желая тем самым вызвать скандал между Лерой и Пашей с целью прервать отношения последнего со своей бывшей, а не добившись этого, убил счастливого соперника или нанял убийцу? Очень даже может быть, но пусть уж полиция сама с этим разбирается. А вот Кротов, возможно, надеялся уговорить ее и Юру продать компанию после похорон друга и получить поскорее за чем-то срочно потребовавшиеся ему деньги, Павленко мечтает стать ее мужем, так что у обоих имеется мотив. Нелепый и обиженный на весь белый свет Белугин в роли мстителя за свои нарушенные права – это просто смешно, хотя как знать...

Ладно, пусть копают, ей бояться нечего. Если даже всплывет информация о романе с Павленко, то супружеская измена – это не преступление. Но что-то еще в вопросах сыщика встревожило Леру. Ах да, настроение Паши после возвращения из Шотландии. Оно действительно было приподнятым, но только ли из-за туристических впечатлений? Возможно, во время поездки он и познакомился с этой девчонкой, снятой позднее с ним уже в Южнограде. Но так ли важно размышлять сейчас о супружеской измене покойного?

Лера включила запись своего самого любимого диска группы «Пинк Флойд», ей требовалось забыть, уход от суровой действительности, то, что на английском языке звучит как escape. И музыка уносила куда-то вдаль, ее звуки и голоса исполнителей в очередной раз очаровали Листницкую, ей представилась загадочная и безмолвная «Темная сторона Луны».

Париж, август 2018 года

6

Комиссар уголовной полиции префектуры Парижа Гийом Савар, всегда невозмутимый темноволосый бретонец с элегантной мушкетерской бородкой, приехал на улицу Консерватории через полчаса после убийства лондонского финансиста Джереми Говарда. Говард вел дела с европейскими банкирами, часто выступал в роли посредника для их неофициальных контактов с влиятельными персонами в правительственных кругах стран Ближнего Востока и Западной Азии, был причастен к международной торговле оружием. А сегодня его застрелили среди бела дня неподалеку от Больших бульваров и Гранд-опера. И, судя по почерку, это сделал таинственный Легионер, за которым уже второй год охотилась вся французская полиция вместе с жандармерией и военной контрразведкой. Пока что совершенно безрезультатно.

В крупных городах страны были убиты за четырнадцать месяцев шесть бизнесменов, возглавлявших компании в сфере высоких технологий и финансовой деятельности. Это могло принести выгоды конкурентам, привести к переделу рынка, слиянию и поглощению для одних корпораций и банкротству для других. Общим для всех ликвидаций было то, что киллер поражал свою жертву одним точным попаданием в голову, никакие контрольные выстрелы после этого не требовались. Он использовал (в зависимости от расстояния до живых мишеней) дальнобойные винтовки с оптическим прицелом или пистолеты, обычные или разрывные пули, действовал в одиночку или с напарником. В последних случаях тот угонял мотоцикл или автомобиль, а после акции стремительно увозил стрелка с места преступления. Через несколько часов где-нибудь на пустыре или в заброшенной промзоне полиция находила транспортное средство, использованное оружие без биологических следов киллера и труп его очередного подельника, также застреленного в голову. После идентификации по отпечаткам пальцев всякий раз выяснялось, что убитым был находящийся в бегах или недавно вышедший на свободу мелкий уголовник, проследить его связи с разыскиваемым не получалось до сих пор ни разу.

Выйти на заказчиков и представить доказательства их вины в такого рода расследованиях представлялось практически невозможным, исполнитель до сих пор также оставался неуловим, известно о нем было очень мало. Практически ничего. Свое условное прозвище удачливый киллер получил потому, что многие на набережной Орфевр, 36 считали, что такой хорошо подготовленный профи мог, скорее всего, начинать службу в Иностранном легионе, одной из самых элитных частей французской армии. Впрочем, доказательства для подобного предположения отсутствовали, а по другой информации из оперативных источников этот человек проходил подготовку в британских SAS и провел затем несколько лет в Ираке и Афганистане, выполняя специальные задания командования. Запросы в Скотленд-Ярд, МИ-5 и МИ-6 привели к вежливым отрицательным ответам, островные коллеги ничем помочь не могли. Или не хотели. Отношения с англичанами в связи с предстоящим брекситом вроде бы не слишком изменились, но какой-то холодок появился, а уж что касается информации о деятельности секретных агентов, некогда работавших на правительства, то тут между Республикой Франция и Соединенным Королевством всегда возникали проблемы. Но, вполне вероятно, киллер действительно когда-то служил в Легионе или в британском спецназе, а потом перешел на вольные хлеба, главное – действовал он всегда безукоризненно, никаких следов не оставлял, а его временные напарники навсегда замолкали.

Вот и сейчас встречавший комиссара молодежавый блондин капитан Лефевр сообщил с огорчением:

– Шеф, это, несомненно, Легионер, и он опять успешно скрылся. Говард, его тело уже опознал поджидавший в холле отеля Арман Монфор из Банка кредитования перспективных инноваций, приехал на такси из аэропорта Шарля де Голля. Когда он вышел из автомобиля и направился к входу, ближайший перекресток на красный свет пересек мотоцикл, водитель и пассажир были в шлемах, их лиц никто не разглядел, номер был замазан грязью. Один выстрел из пистолета на ходу – и англичанина не стало. Таксист утверждает, что не замечал этого мотоцикла во время движения, но, думаю, их аккуратно вели от аэровокзальной площади.

Савар молча кивнул и огляделся. Тело убитого лежало на асфальте, над ним колдовали эксперты-криминалисты. Рядом одни полицейские в форме разговаривали с таксистом, другие отгоняли зевак и репортеров. Все как всегда, все как обычно.

– Цвет и марку мотоцикла кто-нибудь разглядел? – спросил комиссар.

– Цвет синий, мотоцикл объявлен в розыск.

– Что говорит банковский менеджер?

– Он собирался предварительно обсудить кое-что с Говардом, а на завтра была назначена его встреча с советом директоров.

– И цель встречи, разумеется, является коммерческой тайной и не подлежит разглашению.

– Так и есть, шеф.

– Тогда ты оставайся здесь и еще раз опроси всех, кто находился поблизости, а я поехал докладывать руководству. Боюсь, мне сегодня не поздоровится.

... Через час в кабинете Савара в огромном здании на площади Сите раздался телефонный звонок. Лефевр сообщил бесстрастным голосом:

– Угнанный, как выяснилось, мотоцикл нашли полуобгоревшим в одном из дворов в квартале Гар-дю-Нор, в соседнем мусорном баке обнаружен пистолет «глок» без отпечатков пальцев, последняя модель, с запахом пороховых газов, в магазине оставалось пять патронов.

– А труп мотоциклиста?

– В том то и дело, шеф, что трупа нигде нет, ребята обшарили все дворы и подвалы вокруг в радиусе ста метров.

– Кто-нибудь что-нибудь видел или слышал?

– Вполне возможно, но в этом квартале никто не хочет сотрудничать с полицией, сами понимаете.

– Понимаю. Неужели Легионер пожалел своего водилу?

– Вряд ли, судя по предварительному осмотру, вышла осечка, а тот парень успел смыться.

Но и это не все, на руле обнаружены отпечатки пальцев, их сейчас обрабатывают.

– Рад слышать, подождем результатов.

Савар повесил трубку и задумался. Да, теперь в некоторых районах Парижа и других французских городов полиции работать стало сложно, эмигранты и их потомки совсем не горят желанием помочь, держат рот на замке, а то и могут вместо ответа обрушиться с бранью или швырнуть камень. Но вот то, что сообщник, похоже, впервые уцелел, очень обнадеживало. Вскоре поступило сообщение, что отпечатки принадлежат двадцатисемилетнему Морису Бонье, ранее судимому за грабеж, отбывшему наказание и освобожденному месяц назад. И это стало большой удачей. Бонье мог стать той ниточкой, что приведет, если повезет, к неуловимому до сих пор Легионеру. Комиссар за годы службы в полиции много раз сталкивался с тем, что арестованные в какой-то момент начинают думать только о себе и дают показания даже на своих самых близких друзей. А опытный и безжалостный киллер начинающему грабителю совсем не друг, он лишь случайно не покончил с ним, так что сбежавшему мотоциклисту скрывать информацию о Легионере незачем. Теперь самое важное – как можно скорее разыскать Бонье и убедить его давать правдивые показания...

Вечером Савар собрал в своем кабинете троих оперативников и сказал, не скрывая радости в голосе:

– Похоже, парни, наш клиент наконец-то допустил промах. Точнее, промашка случилась с его стволом, но главное – водила жив, скорее всего, жив. И теперь его необходимо как можно быстрее найти. Какие у вас соображения на этот счет?

– Он ведь парижанин, был в свое время задержан в районе Монмартра, так что будет отсиживаться у дружков или у любовницы, – предположил пожилой толстяк, майор Сорель.

– А то и рванет куда подальше, в Лион, в Марсель, в Бордо, – возразил ему худощавый брюнет, лейтенант Матье.

Капитан Лефевр усмехнулся:

– Уважаемые коллеги, Бонье сейчас больше опасается не полиции, а своего нанимателя, тот постарается его найти и прикончить. Я думаю, Матье прав, наш доблестный водила заляжет где-нибудь вдали от Парижа, скажем, в Брюсселе.

Комиссар оглядел подчиненных и заявил, чуть улыбнувшись:

– Все ваши версии имеют право на существование, все нужно проверить. Обратитесь в Информационный центр, ищите все его связи, всех его подельников, всех его женщин, всех родственников, подключайте местных полицейских и жандармов в любом районе Франции. Совершенно очевидно, что этот киллер – штучный товар, его заказчики и покровители сделают все, чтобы обезопасить Легионера, а значит, прикончить мотоциклиста. Он, полагаю, об этом догадывается. Наша задача – найти Бонье раньше, чем его разыщут уголовники-ликвидаторы. Все новости немедленно сообщайте мне по мобильной связи, любую помощь на местах я вам гарантирую, дело находится на контроле министра внутренних дел. Успеха вам, ребята!

Шотландия, август 2018 года

7

Туристическая группа, в составе которой отправился в Шотландию Павел Горелов, добиралась из Южнограда в Эдинбург через Москву и Лондон с ночной пересадкой в Хитроу. В автобусе А-320, следовавшем из британской столицы в шотландскую, его место оказалось рядом с местом девушки, на которую Горелов обратил внимание еще в самом начале продолжительного путешествия. Стройная, худенькая, светловолосая, она была не просто красива, а обворожительна, напоминая забытых ныне голливудских звезд пятидесятых годов прошлого века. И при этом незнакомка летела в одиночестве, в аэропорту Южнограда ее провожал импозантный пожилой мужчина, видимо, отец. Горелов знал, что пользуется успехом у женщин, но ему никогда раньше не приходило в голову устанавливать с кем-нибудь из них мимолетное знакомство или затевать легкий флирт. Однако в этот раз Павел набрался смелости и попытался завязать разговор с попутчицей. И это, к его неожиданной радости, удалось. Девушка представилась Ириной Пастуховой, она оказалась начинающей актрисой городского драматического театра-студии «Дом Асламова». Горелов к искусству Мельпомены был до сих пор совершенно равнодушен, но сейчас слушал прекрасную служительницу этой музыки с большим вниманием. А Ирина хорошо знала театральную историю Южнограда.

Первое в городе здание для представления зрителям трагедий и комедий построил в конце девятнадцатого столетия на углу Лермонтовской улицы и Кубанского проспекта фабрикант и меценат Владимир Иванович Асламов. Оно имело трехъярусный фасад с двумя декоративными шатровыми башнями, множество изящных наличников, розеток, кронштейнов и пилястр украшали фронтон, а у парадного входа под ажурным железным навесом застыли каменные атланты. В труппе в разное время состояли знаменитые на всю Россию актрисы и актеры, здесь на сцене блистали Рошин-Инсаров, Блюменталь-Тамарина, Далматов, Синельников. В годы Гражданской войны Асламовский театр сгорел дотла, и только восемьдесят лет спустя его возродил современный местный театрал, владелец агрокомплекса Геннадий Иванович Ляпунов. Он пригласил из Москвы популярного потомственного режиссера и актера Эдуарда Арнольдовича Дубровина, тот набрал в коллектив и маститых профессионалов, и выпускников ГИТИСа и ВГИКа, а также основал студию для юных дарований. Ее-то и окончила Ирина, а теперь Дубровин оплатил ее поездку на всемирный ежегодный театральный фестиваль в Эдинбурге.

– Понимаете, Павел, в сентябре у нас премьера трагедии Шекспира «Отелло», венецианского мавра играет сам Эдуард Арнольдович, а роль Дездемоны он как режиссер-постановщик доверил мне. И направил в «Северные Афины» поучиться у корифеев и новаторов, – пояснила причину поездки в Шотландию Пастухова.

Горелов сразу же догадался, что художественный руководитель «Дома Асламова» питает к юной дебютантке отнюдь не платонические чувства, но это его мало волновало. Они мило беседовали с Ириной все время полета, вечером вместе поужинали в уютном итальянском ресторане, прогулявшись перед тем по центру Эдинбурга.

Город очаровал обоих – величественная Кэнон-Гейт – часть Королевской Мили, Принцесс-стрит со множеством магазинов, арт-салонов, бутиков, с памятником Вальтеру Скотту и романтической часовой башней отеля «Балморал», дворец Холируд, королевский музей и национальная портретная галерея. Что-то особенное, чудесное, сказочное было в этом северном городе, так не похожем на далекий от него Южноград. Горелов рассказывал актрисе о древней Каледонии, о населявших ее во времена римского правления в Британии свирепых

пиктах, для защиты от набегов которых легионеры построили валы имени императоров Антония и Адриана, о приходе из Ирландии скоттов и первых королях Шотландии.

По случаю традиционного фестиваля улицы и площади были полны туристов, как прилетевших из-за границы, так и приехавших из других регионов Соединенного Королевства. Все они толпами бродили по историческим районам шотландской столицы, громко разговаривали и смеялись, слушали мелодии уличных музыкантов, посещали пабы и бары, дегустируя различные сорта пива и виски. В городе царила романтическая атмосфера праздника, подобного карнавалам в Венеции и в Рио-де-Жанейро.

Горелов попрощался с Ириной у двери ее номера в отеле, пожелав спокойной ночи. А вот сам он долго не мог заснуть, ворочаясь с боку на бок. Талантливый математик и успешный бизнесмен не мог поверить, что впервые после свадьбы по-настоящему влюбился, причем с первого взгляда. Это волновало и воодушевляло Павла, уставшего за последние годы от серых будней и рутины в отношениях с женой. И еще – его угнетал тот печальный факт, что у них никогда не будет собственных детей. А вот с другой женщиной это было возможно...

В далекое уже студенческое время все обстояло по-другому. Они встречались с Лерой после лекций и семинаров, вместе ходили по набережной, сидели в кафе, знакомились со старым и новым искусством на художественных выставках. Так продолжалось какое-то время и после посещения ЗАГСа, но потом любовь исчезла из их отношений, сменившись с его стороны вежливым уважением. Однако шампанское брызгало, потерявшее брызги и пузырьки, превращается просто в горьковатое сухое вино. Наверное, не стоило им работать в одной компании, но так уж вышло, и казалось, поздно теперь пытаться что-то исправить.

На следующий день вся группа, кроме Ирины, оставшейся в Эдинбурге для просмотра спектаклей, отправилась на автобусе в знаменитый замок Стерлинг. Твердыня кельтской славы обрадовала Горелова тем, что он и ожидал увидеть – старинная башня Эльфинстон, пушечная платформа, королевская часовня, дворец с головами придворных в форме ренессансных медалей и каменная фигура короля Роберта Брюса на эспланаде выглядели великолепно.

Южноградцы снимали на камеры смартфонов красивые виды, делали селфи, позируя на фоне живописных крепостных стен, все снимки и видео размещали в соцсетях. Уже в гостиничном номере Павел, используя планшет, выложил свои на собственный англоязычный сайт, который создал год назад и назвал Celtic Fan. Там он разместил информацию о себе, о своей компании, о родном Южнограде, о возникшем недавно интересе к кельтской тематике. И стал публиковать фото со Дня святого Патрика и Хеллоуина, рецензии и отзывы на книги и фильмы о друидах, эльфах и гномах, о бесстрашной королеве Боадичее и походах римских легионов в страну пиктов. У сайта появились подписчики из разных стран, Горелову было приятно общаться с ними, обсуждать героев ирландских легенд и шотландских преданий.

А в это время Ирина Пастухова посмотрела постановку «Отелло» молодой актерской труппы из Калифорнии в неожиданной современной интерпретации, к которой оказалась не совсем готова. Действие перенесли в современные США, Отелло превратился из мавра в белокожего WASP, главу частной военной компании, Дездемона, напротив, стала афроамериканкой, подло обвиненной в супружеской измене коварным женоненавистником, образцом проявления харрасмента Яго. Большинству публики такое видение режиссером пьесы Шекспира очень понравилось, они долго восторженно хлопали и преподнесли исполнителям букеты цветов. Конечно, прочтение классика в «Доме Асламова» сильно отличалось от американского варианта, но, возможно, Эдуарду Арнольдовичу Дубровину только предстояло освоить новые подходы.

Перед сном Ирина задумалась о внезапно возникшей симпатии к Павлу Горелову. Что же это случилось с ней – временное затмение разума, опьянение от его мужественной внешности, ласкового взгляда, обаяния и эрудиции? Но возможно ли продолжение дорожного романа в Южнограде, к чему оно может привести?

Актриса прекрасно понимала, что Горелов женат, он этого не скрывал и довольно тепло отозвался о жене. Вряд ли в ближайшем будущем Павел решит разводиться, а значит, Ирине уготована роль любовницы, возможно, содержанки с неясными перспективами на будущее. Нужно ли ей это? С другой стороны, Дубровин немедленно прекратит поддерживать свою протеже, если узнает о ее интрижке, а без внимания главного ничего хорошего в его театре Ирину не ждет. Желающих получить главные роли вместо второстепенных в театре хватало, говорили о грядущем сокращении штатов, за свой нынешний статус ей следовало держаться обеими руками, не рисковать, не испытывать судьбу.

Казалось бы, все эти здравые соображения должны были удержать молодую женщину от необдуманных действий, но сердцу не прикажешь. И она решила – что будет, пусть то и будет.

8

Группа из Южнограда еще три дня осматривала замки Горной Шотландии, а потом посетила Глазго, крупный промышленный центр на западе, и несколько графств на юге. Здесь тоже было немало достопримечательностей – развалины древних аббатств Мелроуз, Келсо и Джебург, пострадавшие в период Реформации и во время гражданской войны, приведшей к поражению католиков и торжеству англиканской церкви, независимой от Рима, дом печально знаменитой Марии Стюарт, дочери шотландского короля и герцогини де Гиз, вдовы Франциска II Валуа и матери короля Якова, преемника Елизаветы Первой, правившего и в Англии, и в Шотландии. Но самое сильное впечатление произвел на Горелова Эбботсфорд-Хаус, резиденция Вальтера Скотта, построенная писателем на гонорары от его исторических романов. Коллекция мечей, доспехов, шлемов и щитов, включая палаш Роб Роя, шотландского Робин Гуда, распятие свергнутой королевы Марии, казненной по приказу венценосной «сестры» из династии Тюдоров, локон красавчика принца Чарли Стюарта, в сороковых годах восемнадцатого века в последний раз поднявшего горцев против правительства в Лондоне, разгромленного в битве при Куллодене, чудом спасшегося от погони и бежавшего во Францию...

Павел вернулся в Эдинбург очень довольный поездкой. Но ему все эти дни не хватало общения с Ириной Пастуховой, а встречи с этой девушкой Горелов хотел продолжить и в Южнограде. Он решил обязательно побывать на премьере с ее участием и подарить актрисе букет белых роз, бриллиантовое кольцо и какой-нибудь сувенир, связанный с профессией красавицы. Его Горелов решил поискать, пройдясь в последний перед отлетом вечер по Королевской Миле и прилегающим к ней улицам и переулкам.

Неподалеку от самого старого здания в городе, построенного в пятнадцатом веке, дома священника-реформатора Джона Нокса, внимание Павла привлек небольшой антикварный магазин, который он мысленно назвал «лавкой древностей». Посетителей в нем было немного, да и то они зашли скорее посмотреть, а не купить. Дождавшись, когда несколько молодых пар, балагурия и смеясь, вышли на Хай-стрит, Павел подошел к стоявшему за прилавком невысокому и совсем седому старичку, похожему на гнома из сказок Андерсена или Перро. Горелов поздоровался и вежливо попросил уделить ему несколько минут.

– Разумеется, сэр, – ответил продавец, – тем более что отвлекать меня сейчас некому. Ваш небольшой акцент подсказывает мне, что вы иностранец, не так ли? Француз, немец, может быть, голландец?

– Русский, – улыбнулся Павел.

Старичок оживился:

– О, в Шотландии многие помнят, что у вашего царя Петра Великого фельдмаршалом служил представитель горного клана Гордонов, а артиллерией командовал Джеймс Брюс. Да и Андреевский стяг, национальный флаг Шотландии, снова вьется над боевыми кораблями вашего военно-морского флота. Рад буду быть вам полезным, сэр, что вам угодно?

– Я хотел бы вручить необычный подарок юной русской леди, актрисе, после премьерного показа пьесы «Отелло». Маски и бинокли, перчатки, веера – это слишком тривиально. Не можете ли вы предложить нечто более оригинальное?

– Вам очень повезло, молодой человек! – воскликнул антиквар.

Он открыл ящик стоявшего у стены шкафчика и вынул пожелтевший и потрепанный лист бумаги, близкий по размеру к формату А4, оказавшийся театральной афишей с надписью готическим шрифтом:

The Tragedy of Othello, The Moor of Venice/The Globe

На афише был изображен венецианский мавр в восточной одежде, с мечом в руке и стояла дата – 1609 год.

– Трагедию «Отелло, венецианский мавр» Уильям Шекспир написал предположительно в 1604 году на основе одноименной пьесы итальянца Джиральди Чинтио, – начал рассказывать продавец, – она ставилась на сцене первого театра «Глобус» до рокового 1613 года, когда тот сгорел. Афиша, которую вы сейчас держите в руках, несколько веков хранилась в архиве одной знатной дворянской семьи, еще в четырнадцатом веке перебравшейся в Западную Шотландию из Франции. Умерший недавно вдовец лорд Грэм являлся последним прямым потомком маркиза Робера де Грамона, соратника знаменитого барона Анри де Сен-Клера. Оба они были рыцарями ордена Храма и участниками знаменитой битвы при Бэннокбёрне на стороне короля Роберта Брюса. Со временем Грамоны превратились в Шотландии в Грэмов, Сен-Клеры – в Синклеров. Детей у последнего Грэма не было, а племянник его жены начал распродавать материалы из архива, представляющие библиографическую ценность. Так эта афиша и попала ко мне, а теперь вы можете увезти ее в Россию.

– Сколько же вы хотите за этот раритет?

– Сто фунтов, сэ, и это совсем не дорого, поверьте мне.

Вместо ответа, Горелов достал из кармана пиджака бумажник и протянул старичку стофунтовую купюру банка Шотландии с изображением все того же Вальтера Скотта.

– Желаю вам счастливого возвращения на родину и удачи во всех начинаниях, – сказал антиквар, вручая Павлу хорошо сохранившуюся афишу.

Уже в зале вылета аэропорта Эдинбурга Горелов купил жене дорогой шерстяной плед, а Кротову и Павленко по бутылке знаменитого односолодового виски. Впрочем, эти подарки можно было приобрести и в России, только дороже. А вот сувенир из антикварной лавки выглядел оригинальным подарком для начинающей актрисы. Павел в этот раз сидел в самолете далеко от Ирины, не желая больше привлекать внимание земляков к их отношениям и давать повод для предположений об их продолжении. Зато он мысленно представлял, как придет на премьеру, как будет рукоплескать новой знакомой, как вручит ей роскошный букет цветов и старинную афишу в пластиковой папке.

Шотландия, долина реки Бэннокбёрн в окрестностях замка Стерлинг, июнь 1314 года

9

Король Роберт Брюс поздним летним вечером вернулся в свой шатер, чтобы отдохнуть хоть немного перед завтрашним днем. Восемнадцать лет назад Эдуард I Английский вторгся со своими войсками в Шотландию и без особого труда захватил ее, присоединив к прочим владениям Плантагенетов. Еще со времен герцога Нормандии Гийома, победившего саксов в роковой для тех битве при Гастингсе и ставшего владыкой Англии, норманны приглядывались к северной части острова, рассчитывая рано или поздно его захватить. И вот, казалось, это им удалось. Но уже на следующий год Эндрю Морей на севере, а Уильям Уоллес на западе и в центре подняли восстание и перебили несколько вражеских крепостных гарнизонов. Карателей графа Сурея воины Морей и Уоллеса разгромили в сражении на Стерлингском мосту, но при этом сэр Эндрю де Морей был смертельно ранен и вскоре скончался. Уоллес изгнал врагов из родной страны, но Эдуард I снова перешел пограничную реку Твид, и в жестоком бою при Фолкерке валлийские лучники пробили бреши в круговых шилтронах шотландских копейщиков, а тяжёлая рыцарская конница решила исход дела. Спустя семь лет Уильям Уоллес был захвачен в плен, доставлен в Лондон и осужден на мучительную казнь.

В ходе дальнейших событий борьбу с англичанами возглавил Роберт Брюс, восемь лет назад коронованный в Скуне. Он сперва потерпел несколько поражений и бежал на остров Ратлин, но затем высадился с небольшим отрядом в родном графстве Каррик. Началось освобождение Шотландии, которому решил положить конец Эдуард II, сын умершего Эдуарда I. В конце первого летнего месяца нынешнего года его армия подошла к замку Стерлинг, осажденному шотландцами. И теперь все должно было решиться в битве при Бэннокбёрне. Брюс отлично понимал, что шотландской пехоте, состоящей из мирных жителей долин и отважных горцев, нелегко придется против закованных в железо конных рыцарей. Но сын короля Эдуарда I, в отличие от отца, не был опытным полководцем. Англичанам предстояло сражаться на холмистой местности, здесь кавалерии сложно было развернуться и атаковать по всему фронту. Но вот валлийцы с их мощными луками, стрелы которых пробивали стальные доспехи, могли сыграть решающую роль. И как их остановить, король Роберт пока что не знал...

От размышлений его отвлек приход тамплиера Анри де Сен-Клера. Высокий статный рыцарь, черноволосый и чернобородый, обратился к Брюсу со словами:

– Государь, ты принял под свое покровительство несчастных братьев ордена Храма, безвинно обвиненных коварным Филиппом Красивым. Теперь мы готовы выполнить все, что ты пожелаешь. Приказывай!

– Вы займете место за Зеленым холмом и будете ждать. Когда станет необходимо, я передам приказ, – ответил король.

Сен-Клер молча поклонился и вышел. Он чудом сумел избежать ареста во Франции и бежать от воинов Филиппа IV, который решил не отдавать долги тамплиерам, а обвинить их в поклонении Люциферу, судить и приговорить к мучительной смерти. Одни братья нашли приют в Испании и в Португалии, другие, в том числе барон Анри, в Шотландии. А все руководство ордена во главе с великим магистром Яковом де Моле погибло в огне костров, разложенных на острове Сите. Перед тем как клубы густого дыма скрыли фигуру последнего главы тамплиеров, он успел проклясть короля и все его потомство. А Сен-Клер и его това-

рищи поклялись мстить французским королям и передать исполнение этой клятвы своим детям, внукам и правнукам. Но пока что им предстояло поддержать шотландцев в сражении с грозным и безжалостным противником...

В узкой долине, окруженной холмами, англичан было более двадцати тысяч, в основном к стенам Стерлинга направлялись конные рыцари, валлийские лучники и копьеносцы, шотландцы уступали им в численности раза в два, вооруженную копьями пехоту составляли призванные на защиту родной земли крестьяне, ремесленники и торговцы, легких кавалеристов удалось собрать не более пятисот, зато это были ветераны, сражавшиеся еще под знаменами Уоллеса. Да еще рвались в бой горцы, привычные к войнам и набегам.

Когда солнце поднялось над вересковыми полями и возвышенностями, предутренний туман рассеялся, и английский конный отряд графа Генри де Богуна неожиданно увидел перед собой Роберта Брюса и его бойцов. Богуна, не медля ни минуты, прищипил коня и помчался навстречу шотландскому королю с копьем наперевес. Брюс, в отличие от англичанина, ехал без доспехов, а из оружия у него была только боевая секира. Ее король и обрушил на шлем графа, раскроив тому голову, когда противники сблизилась вплотную. Так с личной победы короля Роберта началась кровавая битва потомков кельтов, саксов и норманнов.

В первый день все атаки англичан оказались отбиты, шилтроны сдержали рыцарскую конницу и не позволили ей прорваться к стенам Стерлинга. Во второй день войско Эдуарда II, вынужденное ради поиска источников воды выдвинуться на небольшое заболоченное поле между реками Бэннокбёрн и Форт, приступило к развертыванию, места там всем не хватало, конные и пешие часто мешали друг другу.

Стояла непривычная для этих мест жара, пот тек по лицам рыцарей и пехотинцев, всех их мучила жажда. Шотландцы сначала отразили первый натиск вражеской кавалерии, а потом круглые шилтроны развернулись в цепи и сами двинулись в наступление.

И тогда валлийские лучники на правом фланге прошли быстро вдоль берега реки и оказались сбоку от копейщиков сэра Джеймса Дугласа. Наступил решающий момент битвы, ведь стрелы уроженцев Уэльса, от которых позднее досталось французским рыцарям при Азенкуре и Пуатье, представляли смертельную угрозу для отважных горцев.

Но Роберт Брюс увидел маневр противника и бросил в бой конный резерв. Валлийцы уже собрались натягивать тетивы своих длинных луков, как вдруг из-за ближайшего холма галопом вынеслись на резвых конях тамплиеры в белых плащах с красными восьмиугольными крестами, и грозный клич «Босан!», так знакомый сарацинам, загредел над полем битвы. Лучники на миг дрогнули, но потом развернулись в сторону атакующих, стрелы засвистели в воздухе. Некоторые пронзенные ими рыцари Храма вылетели из седел, но остальные не ретировались, а обрушились всей своей мощью на валлийцев. А за ними уже вступили в бой легкие кавалеристы сэра Джеймса Кейта. Лучников смяли, они отошли...

Наступление шотландцев продолжилось, опасаясь гибели или плена, Эдуард II бежал одним из первых, а вступление в бой ополченцев Брюса привело уже и к беспорядочному отступлению всей английской армии, победа оказалась полной и безоговорочной, Шотландия на четыре сотни лет сохранила свою независимость от англичан.

Когда вечером в королевский шатер снова вошел барон Сен-Клер, белый плащ его был разорван, панцирь погнут от английских мечей и топоров, а на правой щеке появился багровый шрам. Брюс обнял тамплиера и сказал тихо:

– Я никогда не забуду подвига твоего и твоих братьев, сэр Анри. Филипп Красивый мой союзник, я не могу признать вашу сегодняшнюю доблесть во всеуслышание, но отныне род Сен-Клеров займет одно из главных мест в шотландском дворянстве. И еще. Сегодня мною основан орден Святого Андрея и Шотландского Чертополоха, все оставшиеся в живых тамплиеры будут в него приняты. При этом орден Храма также продолжит свое существование в моем королевстве, но тайно, знать о нем будут только посвященные.

Южноград, август 2018 года

10

Бывший кинотеатр «Октябрьский» в одноименном парке Южнограда был выкуплен у городской администрации предпринимателем Ляпуновым девять лет назад. Сборно-щитовое здание разобрали, а на его месте появился трехэтажный дом, стилизованный под сгоревший театр Асламова. В один из последних августовских дней в «Доме Асламова» шла подготовка к премьере «Отелло», две актрисы средних лет, сухошавая блондинка и полная брюнетка, играющие Бьянку и Эмилию, перед началом репетиции беседовали в фойе, обсуждая последние официальные новости и сплетни. Мимо них прошла, вежливо поздоровавшись, Ирина Пастухова, дамы ответили ей небрежными кивками, после чего брюнетка сказала неприязненно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.